

Се Человек!

Короткий отчёт по делу Иисуса из Назарета.

Результаты археологических исследований показывают, что зал, в котором Каиафа принимал посетителей, способен был поместить несколько десятков человек. Его дом находился где-то посредине между долиной Енном и Голгофой. Каиафа получил должность первосвященника по желанию римского прокуратора Валерия Грата. Согласно словам Евангелия от св. Иоанна (Ин 18,13) Каиафа был зятем Анны. Хотя Анна в то время уже более пятнадцати лет не занимал поста первосвященника, он продолжал играть незаурядную роль в еврейской политике. Был кем-то вроде «серого кардинала». Святой Иоанн пишет, что в начале именно Анна допрашивал арестованного Иисуса. На экстренное заседание Синедриона (Верховного Суда) созвали первосвященников, старейшин и книжников. Каждая из этих групп имела своё особенное значение в иудейском обществе. Только первосвященник, и только раз в году мог совершить обряд окропления в Святая Святых, где когда-то, ещё до вавилонского пленения, находился ковчег Завета с каменными скрижалями, на которых были выписаны Десять Заповедей. Ритуал этот совершался во время самого большого иудейского праздника, Йом Киппур (День Примирения). Должности старейшин принадлежали только очень уважаемым людям, обладающим большим общественным авторитетом; они нередко являлись членами Синедриона. Книжники чаще всего происходили из среды священников, это они готовили свитки Торы (Закона Моисеева), предназначавшиеся для чтения в синагогах. Они также работали в качестве чиновников, оформляя всякого рода документы, начиная от разводных писем и заканчивая актами купли и продажи. В присутствии еврейской элиты Анна расспрашивал Иисуса об Его учении и учениках. Обвиняемый проигнорировал вопросы народных предводителей, предлагая им получить информацию у непосредственных свидетелей, тех, кого Он учил: « Я говорил явно миру; Я всегда учил в синагоге и храме, где всегда Иудеи сходятся, и тайно не говорил ничего. Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавших, что я говорил им; вот, они знают, что Я говорил.» (Ин 18, 20). Такой ответ пришёлся Анне не по вкусу, Иисус получил несколько тяжёлых пощёчин и был отправлен к Каиафе.

На этот раз первосвященник избрал другую тактику: нашёл фальшивых свидетелей, которые, однако, оказались так незадачливы, что не смогли предварительно согласовать свои показания. А ведь эти показания должны были послужить обоснованием ранее вынесенного приговора. Потерявший терпение Каиафа взял дело в свои руки. Он задал

решающий вопрос: «Ты ли Христос, Сын Бога Живаго?». Утвердительный ответ Иисуса дал повод для обвинения Его в богохульстве. За богохульство, особенно когда произносилось имя Бога, по Закону Моисееву полагалась смертная казнь. Ночью Осуждённого отвели в тюремное помещение, где Он содержался под стражей до рассвета, после чего опять предстал перед Синедрионом. Удивительно, что члены Высокого Суда, будучи защитниками Закона, не побоялись его нарушить, ведь наступил канун Пасхи, а во время Пасхи (и в день приготовления к ней) судебные заседания были запрещены. Во времена Иисуса Закон запрещал собрания Синедриона даже в субботу. К тому же казнь нельзя было совершать в тот же день, когда объявляли приговор, а с Иисусом поступили именно так.

Перед Верховным Судом повторили обвинение в богохульстве; гибель Иисуса была неминуема, хотя Он не произнёс имени Бога Ягве. Но даже если бы смертный приговор вынесли согласно иудейским законам, обвиняемого должно было побивать камнями, а не распинать. Крест являлся римским орудием убийства.

Тем же утром Иисуса отвели к Пилату. Требовалось убедить прокуратора в том, что Галилеянин совершил политическое преступление, именно за такие преступления мог судить римский наместник. Предъявить обвинение не представлялось сложным. Собравшиеся у Пилата члены Синедриона засвидетельствовали: « Мы нашли, что он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю, называя себя Христом Царём» (Лк 23,2). Решительный римлянин быстро сообразил, что Иисуса предали из зависти, поэтому обратил внимание только на последнее обвинение: « Ты Царь Иудейский?» (Ин 18,34). На этот раз Иисус вступил в диалог – может быть потому, что стоял перед прокуратором, занимавшим нейтральную позицию, а не перед иудейскими предводителями, которые уже давно предрешили его судьбу. В ходе разговора Пилат убеждается в невиновности Иисуса, поэтому решает отпустить Его, подвергнув бичеванию. Однако такое наказание не удовлетворило обвинителей, поэтому они не постеснялись прибегнуть к шантажу: « Если тыпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царём, противник кесарю» (Ин 19,12). На этот аргумент не нашлось возражений даже у самого прокуратора. Ранее он неоднократно оскорблял религиозные чувства иудеев и больно задевал их национальную гордость. Однажды послал в Иерусалим войска со знамёнами, на которых красовалось изображение кесаря, позже, под нажимом иудейской делегации, приказал их снять. В другой раз потратил деньги из храмовой казны на строительство акведука. А когда почувствовал, что назревает мятеж, приказал переодетым солдатам смешаться с толпой, и, как только появились первые признаки бунта, верные служаки усмирили зачинщиков. Затем снова пытался

повторить провокацию, подобную до той, со знамёнами – во дворце Ирода установил множество щитов с надписями, восхваляющими римского императора Тиверия. По настоятельной просьбе Иудеев кесарь приказал перенести эту экипировку в Кесарию. Поскольку до Рима часто доходили жалобы на Пилата, нет ничего удивительного в том, что он, не желая расставаться со своей должностью, отступил под давлением тех, кто требовал смерти Иисуса. Был оглашён приговор: смертная казнь через распятие.

Однако, перед принятием окончательного решения, Пилат указал разозлённой и взбудораженной предводителями толпе Иисуса, облачённого в багряницу и терновый венец, шутовские символы царской власти. Пилат изрёк тогда известные слова: « Ессе Ното! (се Человек)» (Ин 19,5). Древняя христианская традиция с точностью определяет место, на котором разыгралась эта сцена; указывает также арку, название которой происходит от вышеупомянутых слов Пилата. Паломникам, посещающим сегодня Иерусалим, не мешает то, что эта арка была построена во времена Ирода Агриппы I, когда прошло более десяти лет после описываемых нами событий. Проходя по Виа Долороса (скорбный путь), они размышляют о том, что было в Смерти и Страдании Иисуса гораздо более важным, чем топографии.